

Лета Югай

Теплое одеяло памяти

Марина Павлова

Сириус

2021

Узелковое письмо – веревки, камешки, ракушки, деревянныешки как средство коммуникации

Кипу (от слова *quipu*, означающего на языке кечуа «узел») — так называемое узелковое письмо, мнемоническая и счетная система, которая использовалась еще в доинкских цивилизациях с III тысячелетия до нашей эры. Кипу представляют собой своего рода макраме — на основной горизонтальный шнур из хлопка или шерсти привязаны более тонкие нити, сплетенные из волокон различных цветов. На каждой из нитей находится несколько узелков, различающихся техникой плетения. Кроме того, к каждой из нитей могла быть привязана еще нить — и так могло повторяться многократно. Информационно значимым было количество нитей (их число в некоторых кипу доходило до двух тысяч), их цвета, длина, число узелков на каждой, способ их плетения, а также различные элементы, которые в нити вплетали, — ракушки или части растений. Искусство чтения кипу утеряно.

Теплое одеяло памяти

Синий лоскут:

помню, бабушки пели старинные.
Моя бабушка ходила в церкву, а я
за ней бегу, держусь за подол,
крашенник-домотканник...

Зелёный лоскут:

а когда похоронка пришла,
тётка Амаиса вывесила его форму
во двор
и запричитала над ней...

Жёлтый лоскут:

было у меня платьице детское, ни
у кого такого не было.
Отец привез его из оттуда.
Я потом перешила его в блузу...

Чёрный лоскут:

мама из своего траурного платка
сшила мне фартук.
Школа на погосте за семь
километров...

Пёстрый лоскут:

выбросили отрез с огурцами.

Все себе и нашили, кто уж чего
удумал,

и ходили как инкубаторские.

Красный лоскут:

хотела послать ей такую же кофту,
а им там нельзя

ни одной красной нитки,

пришлось перекрасить.

В мелкий горох:

было у мамы платье, потом стала
юбка,

потом для сестры сарафан и мне
ещё на косынку,

потом стало халатом,

из халата мешок для яблок,

из мешка лоскуты да верёвки.

2020

Иосиф Бродский «Дни расплетают тряпочку...»

Дни расплетают тряпочку, сотканную Тобою.
И она скукоживается на глазах, под рукою.
Зеленая нитка, следом за голубою,
становится серой, коричневой, никакой.

1980

Лев Лосев

Ткань*

(докторская диссертация)

1. *Текст* значит *ткань*¹. Расплести по нитке тряпицу текста.

Разложить по цветам, улавливая оттенки.

Затем объяснить, какой окрашена краской

каждая нитка. Затем – обсуждение ткачества ткани:

устройство веретена, ловкость старухиных пальцев.

Затем – дойти до овец. До погоды в день стрижки.

(Sic) Имя жены пастуха. (NB) Цвет ее глаз.

**2. Но не берись расплетать, если сам ты ткач неискусный,
если ты скверный портной. Пестрядь запутанных ниток,
корпия библиотек, ветошка университетов² –
кому, Любомудр, это нужно? Прежнюю пряжу сотки.
Прежний плащ возврати той, что промерзла в углу.**

**2.1. Есть коллеги, что в наших (см. выше) делах неискусны.
Все, что умеют, – кричать: «Ах, вот нарядное платье!
Английское сукнецо! Модный русский покрой!»³.**

**2.2. Есть и другие. Они на платье даже не взглянут.
Все, что умеют, – считать миллиметры, чертить пунктиры.
Выкроек вороха для них дороже, чем ткань⁴.**

**2.3. Есть и другие. Они на государственной службе⁴.
Все, что умеют, – сличать данный наряд с униформой.
Лишний фестончик найдут или карман потайной,
тут уж портняжка держись – выговор, карцер, расстрел.**

3. Текст – это жизнь. И ткачи его ткут. Но вбегают кондратий 5 – и недоткал. Или ткань подверглась воздействию солнца, снега, ветра, дождя, радиации, злобы, химчистки, времени, т.е. «дни расплетают тряпочку подаренную Тобою»⁶, и остается дыра.

**3.1. Как, Любомудр, прохудилась пелена тонкотканой культуры.
Лезет из каждой дыры паховитый хаос и срам 7.**

4. Ткань – это текст, это жизнь. Если ты доктор – дотки.

Примечания:

1. См. латинский словарь. Ср. имя бабушки Гете.
2. Ср. то, что Набоков назвал «летейская библиотека».
3. Этих зову «дурачки» (см. протопоп Аввакум).
4. Ср. ср. ср. ср. ср. ср.
5. (...) Иванович (1937 – ?)
6. Бродский. Также ср. Пушкин о «рубщице» и «певце», что, вероятно, восходит к Горацию: *purpureus pannus*!
7. См. см. см. см. см.!

Евдокия Ростопчина «Недоконченное шитье»

Нет! прочь с работою!.. нет! более ни шва!..
Нигде и никогда мой коврик не дошьется,
Трудолюбивая игла не прикоснется
К работе прерванной, и белая канва
Шитьем узорчатым вовек не облечется!

Былого памятник, мой коврик недошитый,
Когда тебе досуг я посвящала свой, -
Тогда выдаемы бывали часто мной
Минуты светлые; и верною душой
Они теперь еще не позабыты!..
Но их блестящая, счастливая чреда, -
Увы!.. она навеки миновала!
Былых тревог, былых надежд не стало,
И думы милые не придут никогда
Мне в голову опять с их прелестью бывалой.
Теперь, работая, о радостном вчера
С волнением и тоской уж я не вспоминаю..
Теперь, работая, о завтра не мечтаю,
Не жду; и мне пришла бесцветных дней пора!..
С холодной душой, с напрасным сожаленьем
Свой труд неконченный братъ в руки не хочу,
Его, блестящего, вотще не омрачу
Отливом мрачных дум!

Ольга Васякина об одном стихотворении Евдокии Ростопчиной

...шитье Ростопчиной становится памятником травмы. Что такое травма, если не пробел в цветном узоре коврика, который невозможно заполнить новыми стежками? Женщина прерывает работу и незаполненное узорами пространство ткани становится символом безвременья, бесцветных дней, в которых пребывает героиня. Шитье как машина времени и ретравматизации – снова и снова возвращает героиню в прошлое. В стихотворении Ростопчиной повторение как базовый принцип шитья сбивается и меняет свою природу с повторения-продвижения на повторение-прокручивание событий прошлого без надежды на будущее.